

Бюро города Цзинли, отдел уголовных расследований.

Под светом в комнате для допросов лицо Ло И было жутко белым. Дорогая одежда, которую он носил, которая стоила столько, что хватило бы, чтобы прокормить целый подземный переход бродяг, теперь была запятнана пылью и грязью. Он выглядел совершенно несчастным, но отчаяние в его глазах, казалось, не имело никакого отношения к его внешности или его затруднительному положению.

— Вы, ребята, действительно... — Ло И развел руками на столе для допросов и покачал головой с горькой улыбкой. — Не могли бы вы дать мне еще немного времени, а?

— На что тебе нужно время? — спросил И Фэй.

В комнате для допросов наступила тишина на полминуты. Затем Ло И поднял слегка покрасневший взгляд.

— Чтобы заставить семью Чу раскаяться, конечно!

Сказав это, Ло И поднял правую руку и сжал указательный и большой пальцы так, что они почти соприкасались.

— Я потратил на это столько времени и энергии, и я был так близок к тому, чтобы заставить их признать свои грехи. Жаль, что вы, ребята, нашли меня именно сейчас.

И Фэй пристально посмотрел в глаза Ло И.

— Цинь Сюн. Хуан Хуэй. Цинь Кэ. Юй Сяохай.

Ло И нахмурился, потом вздохнул.

— Вам не нужно изучать мои микровыражения. Вы забыли, что я психиатр? В каком-то смысле даже вы, детективы, мне не ровня.

Выражение лица И Фэя стало холоднее.

— Я знаю, что вы расследуете те убийства в городе Донгье. Раз вы нашли меня, вы должны уже знать, почему были убиты эти люди.

Жестокое негодование появилось в морщине между бровями Ло И. Эта ярость полностью уничтожила его обычное кроткое выражение. Это было похоже на то, как будто тонкая фарфоровая маска треснула и разбилась. Фарфоровые осколки отвалились, кусок за куском,

обнажая кровожадную плоть под ней.

— Они заслуживали смерти. Даже десяти тысяч смертей было бы недостаточно для них! — Ло И стиснул зубы. Его руки были насильно скручены, когда его схватили. Теперь он сжал их в кулаки так сильно, что из-под кожи выступили уродливые вены. — Я мог бы разрезать их на тысячу кусочков!

— Вы признаетесь в убийствах этих жертв? — спросил И Фэй.

Ло И вдруг рассмеялся.

— Если я не убийца, зачем вы меня схватили?

— Ты убил их, чтобы отомстить за Цинь Ина?

— Я больше привык называть его «Бай Ин».

И Фэй задумался над реакцией Ло И. Этот человек был молодым и талантливым психиатром, окончившим престижный университет в стране Б. Ло И был прав в одном. Даже самые сильные детективы не могли сравниться с ним в некоторых отношениях.

В этот момент в выражении лица Ло И не было никаких намеков. Он признался в преступлении, и он признал, что имел связь с Цинь Ином, но...

Действительно ли правда была такой, какой казалась?

Ло И вполне мог по какой-то причине ввести полицию в заблуждение.

— Он не какой-то бродяга без документов. В его документах указано «Бай Ин». — Ло И прищурился. Ностальгия заставила его взгляд наполниться оттенком мягкости и тепла. — Чистый, белый герой. Человек бесконечной доброты.

Эти слова были настолько нежными и скорбными, что трудно было не почувствовать себя тронутым.

И Фэй на мгновение замер, а затем спокойно сказал:

— Чтобы отомстить за несправедливость, от которой пострадал Бай Ин, ты также убил семьи Цао Фэнхуая и Гун Гочжэня?

— Да, это был я, — уверенно ответил Ло И. — Тот, кого звали Цао, использовал свою силу,

чтобы заставить Бай Ина взять на себя вину за его преступление, а тот, кого звали Гун, убил Бай Ина из-за денег. Они все были грешниками!

Офицер, участвовавший в допросе, сказал:

— Но вы не просто убили их, вы убили и членов их семей! Среди них даже были дети! Какие преступления совершили члены их семей?

— Какие ошибки совершили члены их семей? — повторил Ло И с искренним смехом. — Ну, а какие ошибки совершил Бай Ин? Бай Ин никогда никому не причинял вреда! Он всегда делал все возможное, чтобы бороться с трудной жизнью. У него даже хватало духу помогать таким людям, как я! Что сделало его заслуживающим всей этой горечи, всех этих страданий? Сколько хороших, счастливых дней было у него за всю его жизнь? Вы спрашиваете меня, что эти семьи сделали неправильно. Вы хотите сказать, что никто из членов этих семей не пожал плоды грехов, совершенных против Бай Ина? Гун Гочжэнь «продал» Бай Ина и использовал деньги, чтобы купить своему сыну роскошный дом в городе Цзинли. Цао Фэнхуай использовал Бай Ина, чтобы избежать наказания за убийство. Вы думаете, их семьи были невиновны?

Офицер лишился дара речи.

Ло И усмехнулся.

— Я ненавижу только свои собственные руки за то, что не убил их раньше!

— Хотя вы и признались в преступлении, — сказал И Фэй, — у меня все равно есть несколько вопросов о деталях.

Ло И глубоко вздохнул и слегка откинулся на спинку стула в комнате для допросов.

— Цинь Сюн и еще трое были убиты в его доме, — сказал И Фэй. — Из четырех жертв Цинь Кэ и ее парень Юй Сяохай не жили на улице Лунчэн. Обычно они вообще не посещали улицу Лунчэн, но в итоге они оба умерли в том доме с Цинь Сюном и Хуан Хуэй. Вы были тем, кто привел их на улицу Лунчэн?

Отдел по тяжким преступлениям не обнародовал подробности преступления против семьи Цинь. Тот факт, что Хуан Хуэй звонила Цинь Кэ и Цинь Сюю до преступления, и подробности того, как тела были выставлены на месте преступления, — все это было известно только полиции, участвовавшей в расследовании.

Брови Ло И нахмурились совсем чуть-чуть, почти незаметно.

— Да, это был я.

— Насколько мне известно, — сказал И Фэй, — Цинь Кэ была в плохих отношениях со своими родителями. Какие методы вы использовали, чтобы заставить ее и ее парня посетить их дом?

Ло И молчал более десяти секунд.

— Гипноз.

— Гипноз? — повторил И Фэй. — А, я почти забыл. Вы выдающийся психиатр. Но разве способ, которым вы их убили, не был слишком жестоким? Я до сих пор не понимаю одного — во всех трех случаях вы отрезали женщинам-жертвам грудь. Зачем?

Зрачки Ло И сузились.

— Вот так, — сказал И Фэй. Он загрузил фотографии места преступления на свой телефон и положил телефон на стол.

Ло И опустил голову, чтобы посмотреть. Все его тело внезапно застыло на месте.

Четыре человека в квартире 5-8 погибли чрезвычайно кровавой смертью. Забудьте о обычных гражданских. Даже детективам, которые уже побывали на многих местах убийств, было бы трудно смотреть на эти трупы.

Пока Ло И рассматривал фотографии, И Фэй смотрел на Ло И.

Реакция, отразившаяся на лице Ло И, совсем не походила на реакцию убийцы.

Было очевидно, что Ло И пытался контролировать выражение своего лица, но кадры кровавой сцены преступления окончательно поколебали его самообладание.

Убийца не отреагировал бы подобным образом, увидев собственный «шедевр».

И Фэй убрал телефон и прямо заявил:

— Доктор Ло, вы не знаете подробностей убийства Цинь Сюна и его семьи, но хотите признаться в преступлении. Могу ли я предположить, что вы пытаетесь защитить настоящего убийцу, чтобы позволить ему остаться на свободе и продолжить мстить за Бай Ина?

Ло И поднял голову, слегка приоткрыв губы. Через несколько секунд он провел обеими руками по волосам. Его плечи слегка дрогнули, а голос задрожал еще сильнее, когда он сказал:

— Я уже признался. Я убийца. Я тот, кто убил семью Цао Фэнхуая, семью Гун Гочжэня и семью

Цинь Сюна. Более десяти лет назад у меня не было дома. Бай Ин спас меня. Моим мотивом было отомстить за него. Разве этого недостаточно для того, чтобы закрыть это дело?

Минг Шу уже давно был в пути, возвращаясь в город Донгье. Он слушал этот допрос через наушники по дороге.

— Долг детектива по уголовным делам — привлечь к ответственности настоящего убийцу, а не схватить случайного человека, который готов взять на себя вину! — возразил И Фэй. — Мы использовали все наши средства и ресурсы, чтобы выследить вас. Я полон решимости убедиться, что мы не поймали не того человека!

— Ты не ошибся, — сказал Ло И. Казалось, его спровоцировало слово «справедливость». В его глазах внезапно вспыхнула тень кровожадности. Он ударил себя кулаком правой руки в грудь. — Я убийца. Хочешь увидеть доказательства? Я записал видео!

И Фэй на мгновение остолбенел.

— Какое видео?

— Он у меня на телефоне, — сказал Ло И. — Знаете, почему я вернулся в страну четыре года назад? Потому что я убил человека в стране Б. Его звали Чи Миньюэ. Он был профессором Медицинской школы Университета QE. Он был тем, кто вырвал сердце Бай Ин из его тела. Я загипнотизировал его и заставил раскаяться, сделав так, чтобы он сам выбрал смерть.

Члену технической группы удалось найти и расшифровать это видео.

— Сначала я избавился от Чи Миньюэ. Потом вернулся, чтобы позаботиться обо всех остальных. — Ло И поднял один палец, пока говорил, затем второй, а затем третий. Он прошептал: — Бай Ин, я отомщу за тебя. Отныне ты можешь, наконец, покоиться с миром.

Город Донгье, загородное поместье.

Воздух в горах был бодрящим и свежим. Чу Синь лениво прогуливался по поместью. Его беззаботное отношение резко контрастировало с суровым поведением людей, которых Чу Цин послал, чтобы незаметно сопровождать его.

Это поместье было похоже на безмятежный рай, который существовал в уединении от остального мира. На самом деле, оно было окружено стражей семьи Чу.

— Чего вы, ребята, за мной следите? — рассмеялся Чу Синь. — Я просто пришел навестить

своего старика. Это действительно то, что вас так встревожило?

Никакого ответа из окружения Чу Синя не было. Его невидимые сопровождающие даже не были видны.

— Я же не убийца. — Чу Синь сорвал цветок, бродя по саду. В его голосе слышалось немного обиды.

Загородный дом был огромным. Полный круг по территории неспешной прогулкой занял бы не менее двух часов. Чу Синь продолжал собирать цветы по пути, пока не набрал в руки полный букет.

По внутреннему коридору, ведущему к комнатам Чу Линьсюня, Чу Синь шел то быстро, то медленно, напевая какую-то неразборчивую мелодию.

Если бы кто-то внимательно прислушался, то можно было бы сказать, что он напевает мелодию, которая звучала так:

Мать — лучший подарок в мире.

Ребенок, у которого есть мать, по-настоящему любим.

На руках у матери...

Лучшего места не найти.

Мать — величайшая радость в мире.

Ребенок без матери — как сломанная игрушка.

Когда я покидаю объятия матери...

Что же мне остается?

Это была невинная, но грустная детская песенка. Чу Синь напевал ее веселым голосом. Песня разнеслась по залу. Но в этой мелодии не было ни невинности, ни печали. Только холод и отвращение.

Песня напоминала голос женщины, оплакивающей свои несчастья.

В конце длинного коридора открылась дверь.

Чу Синь улыбнулся.

— Старик, я вернулся, чтобы увидеть тебя.

Чу Линьсюнь сидел в инвалидном кресле. Впервые он посмотрел на своего самого любимого сына с опаской во взгляде.

— Что, ты недоволен тем, что я взял на себя труд нанести тебе редкий визит? — Чу Синь налил себе чашку чая, не дожидаясь разрешения, затем опустился на диван, чтобы поудобнее устроиться.

Цвет лица Чу Линьсюня был пепельно-серым:

— Разве ты не стал монахом в храме Хайцзин? Почему ты навещаешь меня в такое время?

Чу Синь поднес чашку к носу и понюхал, но пить не стал. Вскоре он снова опустил руку и отставил чашку в сторону.

— Теперь боишься принимать от меня напитки? — спросил Чу Линьсюнь.

Чу Синь рассмеялся:

— В конце концов, Чу Цин держит тебя под домашним арестом. Он готовит тебе еду и одежду. Я верю, что ты добр ко мне, но не доверяю ему.

Бедные семьи имели свои собственные заботы, и богатые семьи также имели свои. Те, кто был в бедных семьях, могли беспокоиться о том, где они получают свою следующую еду, в то время как те, кто был в богатых семьях, серьезно беспокоились о том, чтобы съесть хоть кусочек еды.

Чу Линьсюнь покачал головой:

— Это не так уж и серьезно.

Чу Синь закинул ногу на ногу:

— Ладно, хватит болтать. Ты же знаешь, что я не приду к тебе просто так. Если я сюда пришел, значит, у меня есть какая-то цель.

Морщины на лице Чу Линьсюня напряглись.

— Старик. — Улыбка на губах Чу Синя постепенно сошла на нет. — Ты когда-нибудь жалел об этом?

— О чем ты говоришь? — спросил Чу Линьсюнь.

— Я говорю обо всем, что ты сделал в своей жизни, — сказал Чу Синь. — От крупных дел, вроде взятия под контроль группы Чу, до мелочей, вроде... обмана бесчисленного количества женщин, одной за другой.

Хотя его власть уже была отнята, Чу Линьсюнь все еще сохранял высокомерный вид:

— Почему я должен о чем-то сожалеть! Без меня группа Чу не была бы тем, чем она является сегодня!

— Я знаю, что ты могущественен, я знаю, что у тебя есть свои методы, — сказал Чу Синь. — Если бы вы с Чу Цином были одного возраста, даже он не был бы для тебя достойным соперником.

Чу Линьсюнь не хотел слышать имя «Чу Цин». Он глубоко нахмурил брови, презрение и негодование затопили его лицо:

— Не приводи его ко мне.

Чу Синь вел себя так, будто вообще этого не слышал:

— Чу Цин, конечно, не мог быть твоим соперником. В конце концов, твое деловое чутье было генетически унаследовано мной, не так ли?

Глаза Чу Линьсюня расширились. Он уставился на Чу Синя в недоумении.

Они были отцом и сыном, но Чу Линьсюнь никогда не признавался в этом факте Чу Синю. И Чу Синь ни разу не назвал его «отцом» или «папой».

Но только что Чу Синь произнес слова «генетически унаследовано».

— Ты... — Чу Линьсюнь запнулся. — Что именно ты пытаешься сказать?

— Понятно, что такой человек, как ты, не сможет сразу вспомнить все ошибки, которые ты совершил в своей жизни, — сказал Чу Синь. Его взгляд постепенно стал острым. — Так что

позволь мне привести тебе пример. Ты жалеешь, что у тебя такой сын, как я?

После короткой минуты молчания Чу Линьсюн сказал:

— Ты очень умный. Разве ты не знаешь, кто из всех моих сыновей для меня самый дорогой?

— Полагаю, я должен быть благодарен за твою услугу. Тогда могу ли я это понимать так, что ты не жалеешь, что у тебя такой сын, как я? Мало того, ты счастлив, что у тебя такой сын, как я? — спросил Чу Синь. — Это правда?

Чу Линьсюнь фыркнул себе под нос и не ответил.

Чу Синь уставился на него. Он медленно продолжил:

— Но как я появился на свет?

Чу Линьсюнь был ошеломлен.

— Я существую, потому что ты изнасиловал женщину, которая тебя не любила, и заставил ее родить такое существо, как я, — заявил Чу Синь тем же расслабленным тоном, которым он напевал мелодию ранее. — С самого начала я не должен был жить. Я никогда не заслуживал того, чтобы жить.

— Чепуха! — яростно возразил Чу Линьсюнь.

— Чепуха? — усмехнулся Чу Синь. — Господин Чу-старший, разве вы так волнуетесь, когда кто-то говорит вам чепуху?

Руки Чу Линьсюня крепко сжимали подлокотники его инвалидной коляски. Его глаза выглядели так, будто они могли извергать огонь.

— Я не должен был рождаться. Я родился в результате самого отвратительного поступка, который ты мог сделать с женщиной! — сказал Чу Синь. — Кто знает, был ли мой врожденный порок сердца «даром» небес. Можно ли это считать божественным возмездием?

Глаза Чу Линьсюня расширились от ярости. Его нижняя губа яростно дрожала, как будто он хотел опровергнуть аргумент Чу Синя, но не мог найти слов, чтобы сделать это.

— Старик, ты когда-нибудь жалел о том, что сделал с моей матерью? — спросил Чу Синь. — Ты жалеешь, что разрушил ее жизнь? Я видел ее фотографии. Ты смог поднять руку даже на такую красивую женщину.

Большая комната наполнилась звуками быстрого, неровного дыхания.

А в одном незаметном углу в данный момент работало следящее устройство.

— Кажется, ты не жалеешь об этом. — Чу Синь встал и навис над Чу Линьсюном. — Это неудивительно. Такой бессердечный и безжалостный человек, как ты, не может жалеть женщину.

Чу Линьсюнь был вынужден поднять голову, чтобы посмотреть на Чу Синя:

— Все, что я когда-либо делал, было для твоего блага!

— Наши старейшины любят говорить такие вещи, но «мое благо» — это всего лишь тонкий блеск золота, который скрывает ваши корыстные мотивы, — сказал Чу Синь. — Я задам вам еще один вопрос. Семь лет назад, когда ты заставил меня сделать операцию по пересадке сердца, ты пожалел об этом?

Чу Линьсюн закричал:

— Ты должен быть рад! Если бы тебе не сделали эту операцию, ты бы все еще стоял здесь сейчас?

— Мою жизнь украли для меня дважды, — сказал Чу Синь. — В первый раз ты украл меня, заставив мою мать родить меня. Во второй раз ты украл сердце моего брата. Я никогда не должен был жить. Семь лет назад, когда я заболел, это было то, что небеса пришли, чтобы забрать меня.

Сказав это, Чу Синь рассмеялся:

— Ты полон решимости побороть эти «невзгоды судьбы» только для того, чтобы доказать свою силу. Старик, моя жизнь — это жизнь. Но как насчет жизней других людей? Они не более чем сорняки? С тех пор и до сих пор ты когда-нибудь сожалел о чем-нибудь?

— Ты совсем не понимаешь моего сердца! — взревел Чу Линьсюнь.

— Разве понимание сердца демона — это то, к чему я должен стремиться и чем должен гордиться? — Чу Синь развел руки перед собой. — Послушай, ты использовал человека, который не должен был умереть, чтобы спасти меня, человека, который никогда не должен был жить. Но я не унаследовал твою силу, как ты хотел. Вместо этого группа Чу попала в руки Чу Цина. Теперь у тебя нет власти ни над чем, а я стал монахом. Ты сейчас чувствуешь сожаление?

— Это ты не имеешь желания бороться! — парировал Чу Линьсюнь, прежде чем закашляться.

— Бороться? За что? За тебя? — Чу Синь холодно улыбнулся. — И что потом? Я должен стать следующим тобой?

Чу Линьсюнь указал на дверь:

— Убирайся! Убирайся немедленно!

— Ты любишь меня так сильно, что не колеблясь убил бы ради меня, — сказал Чу Синь. — А теперь я пришел к тебе, а ты хочешь, чтобы я исчез? Может быть, слишком много людей умерло из-за тебя. Может быть, поэтому ты думаешь, что это не такое уж большое дело — вырвать чье-то сердце из груди, да?

Не дожидаясь ответа Чу Линьсюна, Чу Линь внезапно рассмеялся и сказал:

— Но сердце, которое ты забрал, принадлежало моему брату! Любимому ребенку моей матери. Моему родному брату!

Чу Линьсюнь снова онемел:

— Ты... ты...

— Я? — Чу Синь наклонился ближе. — Скажи мне. Разве я не должен отомстить за него?

Чу Линьсюнь, казалось, понял все в одно мгновение:

— Это был ты?

— Полиция уже приходила поговорить с тобой, верно? — спросил Чу Синь. — Они рассказали тебе обо всех людях, погибших от рук «мстителя». Цао Фэнхуай, Гун Гочжэнь, Цинь Сюн. Полиция сказала тебе, что следующим будет твоя очередь или моя?

Чу Линьсюнь внезапно откинулся назад в своей инвалидной коляске:

— Ты сошел с ума!

— Сошел с ума? Наверное, потому, что в моих жилах течет твоя кровь. Если сравнить наше безумие, то кто может быть более психопатичным, чем ты? — С каждым дюймом отступления Чу Линьсюня, Чу Синь продвигался на дюйм вперед, прижимая Чу Линьсюня к стене.

Чу Линьсюню некуда было бежать. Он стиснул зубы и сказал:

— Ты хочешь убить меня?

Чу Синь наклонился. Он положил руки на подлокотники по обе стороны инвалидной коляски. Его глаза, которые большинство обычных людей сочли бы красивыми, упали на Чу Линьсюня с чем-то вроде улыбки:

— Я хочу поговорить с тобой.

Глаза Чу Синя были очень похожи на глаза Линь Си.

Чу Линьсюн напрягся и процедил:

— Поговорить... поговорить о чем?»

— О зле, которое ты совершил в прошлом. — Чу Синь выпрямился и поднял ногу, сильно пнув инвалидную коляску.

Чу Линьсюнь так испугался, что чуть не упал с коляски, когда та внезапно пролетела через всю комнату и остановилась, ударившись о журнальный столик.

Чу Синь снова подошел:

— Мы были отцом и сыном десятки лет, и у нас никогда не было настоящего разговора по душам.

Невозможно было отрицать, что Чу Линьсюнь был стариком. У него больше не было той энергии, что была в расцвете сил. Когда он сталкивался с Чу Синем и встречался с ним взглядом, он постоянно отводил глаза. Его тон также был пронизан слабостью, как будто он умолял.

— Хочешь узнать, как они умерли? — спросил Чу Синь так небрежно, словно они просто болтали. — Я не просто убил их. Я убил и их семьи. Они все умерли ужасной смертью. У некоторых из них я сломал кости. У некоторых я выколол глаза. У некоторых не осталось ни дюйма кожи на теле.

Чу Линьсюнь задрожал и посмотрел на Чу Синя так, словно тот смотрел на незнакомца.

— О, верно. Я также отрезал груди их женам и повесил их на самых видных местах в их домах, чтобы они видели. — Чу Синь похлопал себя по груди. — Потому что это было место ближе

всего к их сердцам. У меня не было возможности вырезать их сердца, как у Чи Миньюэ, поэтому мне пришлось довольствоваться этим. Когда я убью тебя, как думаешь, мне следует разорвать твою грудь и вырвать твое сердце?

— Ты... закрой свой рот! — выпалил Чу Линьсюнь.

Чу Синь улыбнулся ему:

— Старик, ты никогда в жизни не был так напуган, не так ли? Позволь мне спросить тебя еще раз. Ты жалеешь, что у тебя есть такой сын, как я? Ты жалеешь, что убил моего брата и поместил его сердце в мою грудь? Или ты продолжишь настаивать, что тебе не о чем жалеть?

Чу Линьсюнь был настолько потрясен и напуган, что не мог говорить.

— Люди, перенесшие операцию по пересадке сердца, могут жить, но недолго. Мне очень повезло, возможно, отчасти из-за здорового воспитания, которое ты мне дал. За последние несколько лет, я полагаю, я довольно хорошо поправился. Мне не так много хочется. Я хочу только услышать, как ты лично признаешься в своих преступлениях.

Взгляд Чу Синя был темным, и каждое его слово было наполнено ненавистью:

— Я родился от твоего изнасилования Линь Си, верно?

Чу Линьсюнь сидел как пень, полностью окаменев. Только веки у него дрожали.

— Отвечай мне! — резко потребовал Чу Синь.

Наконец Чу Линьсюнь кивнул:

— Да. Это правда.

— После того, как Линь Си родила меня, ты намеренно свел ее с ума. Да? — Чи Синь говорил все быстрее и быстрее. — В конце концов, она решила покончить с собой из-за тебя!

Чу Линьсюнь больше не смел смотреть на Чу Синя:

— Да.

— Люди говорят, что ты должен уважать мертвых, но даже сейчас ты не испытываешь никакого уважения к тем, кому ты навредил. Ты не считаешь, что сделал что-то плохое, — сказал Чу Синь. — Слово «сволочь» недостаточно сильно, чтобы описать кого-то вроде тебя.

Но, по крайней мере, в конце концов, ты признался во всем этому своему сыну — этому сыну, который никогда не должен был родиться.

Чу Линьсюнь не был неподвижен; его ноги просто не были такими быстрыми, как раньше. Когда он увидел, что Чу Синь снова приближается, Чу Линьсюнь вскочил на ноги в момент отчаяния:

— Отпусти меня. Группа Чу... Группа Чу все еще под моим контролем. Пока ты меня отпустишь...

— Брось это. — Чу Синь презрительно усмехнулся. — Чу Цин заменил тебя давным-давно.

Чу Линьсюнь взглянул в окно, затем поспешно повернулся к Чу Синю и покачал головой:

— Ты ничего не можешь со мной сделать! Я твой отец!

— Отец? — Взгляд Чу Синя был холоден, как густой туман, клубящийся над ледяным морем. В его руке внезапно появился военный кинжал. — Нет. Ты в первую очередь мой враг, а во вторую — мой отец.

Лязг!

Чу Линьсюнь рухнул на землю рядом со своей инвалидной коляской. Инвалидная коляска откатилась назад от столкновения. Величайший бизнес-магнат своего поколения был вынужден ползать по земле, пытаясь укрыться от бури убийственных намерений позади него.

— Как некрасиво. — Чу Синь ударил ногой по спине Чу Линьсюня. — Как и ты, он знал, что умрет. Но мой брат не выглядел и вполнину таким несчастным, как ты сейчас!

Чу Линьсюнь был ошеломлен:

— Ты встречался с Го Пиньанем?

Чу Синь держал кинжал в одной руке, а другой схватил Чу Линьсюня за горло:

— Я не только встречался с ним, я говорил с ним.

Зрачки Чу Линьсюня сузились до крошечных точек.

— Семь лет назад я не смог защитить его. Он был тем, кто отдал мне свое сердце, чтобы даровать мне новую жизнь. — Глаза Чу Синя расширились от ярости. — Теперь осталось всего

два человека. Мне нужно убить еще двух человек, чтобы отомстить за него!

Инстинкты проицательного бизнесмена снова сработали. Чу Линьсюнь заорал:

— Двое?! Я не последний? Тогда ты сначала убьешь другого! Ты же знаешь, кто я, насколько я важен. Если ты убьешь меня сейчас, полиция тебя тут же поймает! У тебя больше не будет возможности убивать!

Чу Синь рассмеялся, словно услышал очень смешную шутку. Его плечи затряслись от смеха:

— Последний человек — это я. Если я убью себя, кто останется, чтобы убить тебя?

<http://bllate.org/book/14859/1321982>